

ПРОБЛЕМА ИДОЛОПОКЛОНСТВА В РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ МОРДВЫ*

В. С. СВЯТОГОРОВА,

*кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии, этнокультуры
и театрального искусства ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Автор обращается к дискуссионной в науке проблеме существования идолопоклонства в религиозных верованиях мордвы и показывает, как в современной культурной традиции происходит его возрождение на уровне ритуальной практики.

• *мордва; религиозные верования; идол; идолопоклонство; традиция*

В Симкинском природном парке устойчивого развития (СППУР), расположенном на территории Большеберезниковского района Республики Мордовия, есть уникальный объект – старый дуб, признанный в 2012 г. памятником живой природы всероссийского значения. Этот дуб, именуемый священным, в последние годы стал местом паломничества самых разных людей. В 2005 г. по решению руководителя детской экологической организации «Зеленый мир» В. М. Смирнова на поляне перед деревом была установлена скульптурная группа, изображающая мужчину с воздетыми в молитвенном обращении к небу руками, женщину и мальчика. Скульптуры выполнил самодеятельный мастер из с. Большие Березники РМ А. Б. Самсонов.

Скульптурная группа является своего рода этномаркирующим символом, напоминает гостям поляны о том, что некогда здесь был центр традиционных для мордвы молений – озксов. Это должно вызывать почтение и предопределять соответствующую модель поведения. Скульптуры несут и эстетическую функцию, однозначно воспринимаются посетителями как этнические «мордовские»: мастером тщательно проработаны детали вышивки рубах всех трех фигур, головного

убора женщины, напоминающего головные уборы мордвы-эрзи.

Однако в последние годы скульптуры, установленные на поляне, приобрели иную, сакральную, функцию – вместе с дубом они стали объектами поклонения, своего рода идолами. Обычным стало возложение еды (яблок, конфет, лепешек, блинов и пр.) перед скульптурами и прямо на них, а также дарение им денег, украшений. Возникает закономерный вопрос: насколько эта традиция характерна для мордвы, возможно ли, что произошел возврат к древнему идолопоклонству в конкретно взятом месте? Рассмотрим, какие ответы на вопрос об идолах и идолопоклонстве у мордвы давали исследователи в прошлом и как они отвечают на этот вопрос в настоящем.

Наличие или отсутствие идолов¹ и идолопоклонства у мордвы – вопрос спорный, и у разных исследователей, путешественников, священников оценки данного явления весьма разнообразны. Известный современный ученый Н. Ф. Мокшин, будучи

*Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ и Правительства Мордовии № 12-14-13004 а/В «Современное искусство Мордовии: неотрационализм и формы его развития».

¹ Идол (от греческого *eidōlon* – образ, подобие), изображение божества или духа, служащее объектом религиозного поклонения (Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 481). Понятие «идол» в Толковом словаре русского языка определяется как «статуя, предмет, которому поклоняются как божеству, кумир» (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994. С. 231), а «идолопоклонничество» и «идолопоклонство» – «поклонение идолам (обычное для многобожия) как религиозный культ» (там же).

убежденным противником наличия идолов у мордвы, утверждает, что «свидетельством отрицания в мордовских дохристианских верованиях и обрядах идолопоклонства можно считать и отсутствие в мордовских языках соответствующего термина для номинации этого понятия» [5, 53]. Он упоминает и перевод А. П. Феоктистова фрагмента трактата голландского путешественника XVII в. Н. Витсена «Северная и восточная Тартария» (Амстердам, 1692): «...они не молятся идолам, но шкуры животных вешают на деревья и перед ними становятся на колени» [12, 163]. Однако, по наблюдению В. А. Юрченкова, «в ряде изданий Н. Витсена частица, указывающая на отрицание, в данной фразе отсутствует» [12, 163].

Ученый-натуралист XVIII в. П. С. Паллас отмечал, что у описываемых им «мокшанцев», которые «мало разнились от ерзанцев», отсутствуют приметы поклонения идолам: «Они единогласно уверяли, что у них не было никаких идолов, ниже божков, но только жертвовали невидимому всевышнему существу...» [7, 110–111]. То, что далее П. С. Паллас описывает как примеры старинных обрядов и обыкновений (моления в лесу, жертвоприношения животных, жертвоприношения на могилах), другим исследователям служило примером идолопоклонства.

Исследователи прошлого примером идолопоклонства называли чаще всего традиционную обрядность, т. е. то, что в классическом смысле идолопоклонством не является; называя мордву идолопоклонниками, они принимали, таким образом, за идолы догматы языческой веры и древние мифологические представления. Записки священников и путешественников прошлого дают представление о том, что сохранившиеся древнемордовские верования и обряды в целом понимались авторами как языческие и идолопоклоннические. Так, нижегородский епископ Дамаскин в 1785 г. писал: «...что касается до их веры, то прежде были идолопоклонники и к солнцу наипаче свои молитвы простирали... придерживаются еще многих старинных обычаев, нравов, обрядов и праздников» [3, 172]. И. П. Георги в своем описании подчеркнул, что, несмотря на христианизацию большей части мордвы и «хотя они от языческого за-

кона удалились уже больше, нежели черемисы и чуваша, однако же все еще великое имеют к оному пристрастие. Идолопоклонство их язычников подобно черемисскому и некоторых других народов» [2, 45].

Отмечая приверженность мордвы к православной церкви, К. Фукс полагал, что этому в немалой мере «содействовало крещение ее с давних времен и очень достаточное знание русского языка. Через первое она постепенно оставила идолопоклоннические обряды, а через последнее духовенство имеет на нее большое влияние» [11, 110].

По сведениям апологета борьбы с проявлениями «суеверных почитаний» Ап. Можаровского, вокруг с. Селище сохранилось множество мест, которые «своими названиями живо напоминают древнее идолопоклонство» [4, 825]. В их число входит и место поминовения родителей «Атянь-шкадьме-лей», что можно перевести как «ручей (река), у которого обращаются к предкам».

Говоря о смешении христианских и языческих представлений у мордвы, наблюдаемом, в частности, в погребениях близ с. Рыбкино, В. Ауновский пишет: «...форма гробов удерживается мордвою с давно прошедшего времени, что можно видеть из следующих фактов, которые поясняют также идолопоклонничество прежней мордвы...» [1, 8]. Следует признать, что замечание Ауновского об идолопоклонстве является своего рода «общим местом» при описании языческого народа.

Деятельность Кузьмы Алексеева и совершаемые им и его сторонниками обряды также описывались официальными властями как пример возвращения в древнее идолопоклонство, о чем свидетельствует наказ о запрете мордве совершать моления нижегородского губернатора: «...чтобы они... не отправляли богослужения по древнему их идолопоклонническому мордовскому заблуждению» [10, 103].

Историк-археолог конца XIX в. Н. Н. Оглоблин отмечает быстрое усвоение местным населением христианства, «хотя еще недавно мордва была полна если не язычества, то открытых переживаний его» [6, 896]. Опираясь на сообщение священ-

ника, автор указывает на наличие идолов у мордвы-мокши Пензенской губернии в 80-е гг. XIX в.: «В каждом мордовском доме обязательно находились и в большом почете фигурки идолов, пред которыми отправлялись разные обряды и совершались моления, хотя рядом с идолами и помещались православные иконы» [6, 896]. Очевидно, с этими деревянными скульптурами были связаны представления о предках и благополучии рода и семьи, ибо довольно легко отказавшись от молений на месте «древнего языческого "мольбища"», жители неуказываемого села не спешили избавляться от фигурок: «...гораздо труднее было священнику заставить мордву расстаться со своими семейными божками... одни добровольно сдали священнику своих идолов, у других он сам их отобрал» [6, 896]. Не описывая вид и форму скульптур, автор далее пишет о том, что нельзя быть уверенным в том, что пожилые люди не завели себе их вновь, «благо сработать их можно и простым ножом, не то достать у соседей» [6, 897]. Можно предположить, что ученый называл идолами изображения мордовских богов или предков в дереве, однако из текста сложно сделать выводы о том, были они круглой скульптурой или рельефом, ясно только, что они были небольшими по размеру, если располагались рядом с иконами.

В очерке И. Н. Смирнова отсутствует специальный раздел, посвященный идолам и идолопоклонству у мордвы, однако известный исследователь явно склоняется к мысли о возможности их существования, что подтверждается следующей его мыслью: «...как пользовались жертвой идола фетиша, можно заключить из бывшего обращения мордвы с иконами... у нижегородской мордвы еще в половине текущего столетия (имеется ввиду XIX в. – В. С.) был обычай намазывать салом, жеваными пряниками и другими снедями губы наиболее чтимых икон... обычай [тамбовской мордвы] наказывать икону (в былое время идола-фетиша): сечь ее веником, ставить вниз головой и т. д. в том случае, если она не исполнила неоднократно обращенных к ней просьб или причинила человеку какую-

нибудь беду» [9, 231]. Примером неизменности старых языческих представлений в их причудливом слиянии с христианством служат для исследователя заверения пензенской мордвы о том, что «даже для самого Христа считается необходимым угощение» [9, 231].

Не отрицает идолопоклонство и У. Харва: «...возможно, в свое время у мордвы покойных на поминках представляли какие-нибудь портреты или фигурки, во всяком случае в родовом доме, а затем их заменили предметами, принадлежащими покойным» [13, 108]. Автор усматривает связь предки – боги, высказывает предположение об их изоморфности и на этом основании говорит об особых предметах поклонения. Такие выводы были сделаны исследователем в результате анализа культовой роли *vajmä kätkt*², употребляемого в ходе пасхального моления мокшей Пензенской губернии: «...глава рода доставал из кладовой так называемый *vajmä kätkt*, который затем вешал на стену, на гвоздь. ...В *vajmä kätkt* хранили всевозможные предметы /обихода/ многих поколений умерших... зайдя в дом, вначале клали поклоны перед *vajmä kätkt* и только затем перед иконами» [13, 107–108].

Сведения о том, что «мокши прежде идолопоклонниками были, статуи имели» [8, 178], записаны от жителей Zubovo-Полянского района в середине XX в. сотрудником НИИЯЛИЭ Б. Е. Смирновым (Т. Д. Бегаев, 77 лет, В. Е. Нуштаева, 87 лет. Запись – август 1964 г.). Информатор В. Е. Нуштаева подробно сообщила исследователю, как выглядели создаваемые еще в начале XX в. идолы: «...в недалежней дер. Суранки... еще молились "Паксязору" – мокшанскому богу. У них как "фонарь" хорошо сделанный, изнутри светится. А там, как кукла, сделанный болбан – старичок (но все от того, какому богу такой "фонарь", может быть и молодой бог был, а может и баба-бог). А в "фонаре" внизу положено хлеба зерном... и ему – болбану – "Паксязору" молятся, как образу. В наших местах "Пак-

² Можно перевести как «парь души», хотя при цитировании У. Харвы это словосочетание обычно не переводят.

сязор" есть бог, а образов ему не было (не слыхала)» [8, 179].

Отсутствие достоверных описаний и указаний на моление идолам, а также археологических сведений о предметах подобного характера позволяет сделать вывод о том, что идолы (идолопоклонничество в классическом смысле) у мордвы либо не сложились, либо же не сохранились как в силу недолговечности материала, так и в силу того, что для каких-либо отдельных случаев могло создаваться каждый раз новое изображение. Отсутствие этнографических сведений может свидетельствовать, с одной стороны, о забвении традиции, а с другой – о стремлении скрыть от посторонних приметы дохристианских верований и все то, что связано с благополучием рода, так как в памяти народа еще свежи воспоминания о последствиях приверженности религии предков.

Свидетельствует ли феномен превращения поляны СППУР в культовый центр о возникновении или реконструкции идолопоклонства в конкретном месте? Интерес

представляет не только отношение к дереву, культ которого характерен для мифологических представлений мордвы, но и складывающаяся культовая практика взаимодействия с произведением искусства. Косвенно этому способствует то, что мастерами Мордовии чаще всего создаются мифологические персонажи, поэтому для посещающих поляну СППУР скульптуры воспринимаются как изображения древних богов в их мужской и женской ипостаси. Элементы мордовского костюма, использованные в декоре, только подчеркивают эту древность и указывают на связь с дохристианской религией мордвы. Если в традиционной культуре преобладали коллективные формы общения с подобными природно-социокультурными объектами, то в современном мире происходит замена коллективного родового начала индивидуальным. Точнее, индивидуализированное сознание человека информационного общества вступает в особый диалог с прошлым, используя им самим созданные ритуалы.

Поступила 13.11.2012

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ауновский, В.* Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. – Симбирск, 1869. – С. 1–23.
2. *Георги, И.-Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И.-Г. Георги. – Перепеч. с изд. 1799 г. с испр. и доп.; 2-е. изд. – СПб. : Русская симфония, 2007. – 808 с.
3. *Извлечения из описания мордвы нижегородского епископа Дамаскина, 1785 г.* // Документы и материалы по истории МАССР. – Саранск, 1940. – Т. 2. – С. 171–172.
4. *Можаровский, Ан.* История образования прихода села Селище, Сергачского уезда, Нижегородской епархии // Нижегород. епарх. ведомости. – Часть неофиц. – 1890. – № 17. – С. 825.
5. *Мошкин, Н. Ф.* Мордва и мир: тезаурус по традиционной материальной и правовой культуре мордовского народа / Н. Ф. Мошкин, Ю. Н. Сушкова. – Саранск : Издатель Константин Шапкарин, 2011. – 230 с.
6. *Оглоблин, Н. Н.* В мордовском крае (из заметок туриста) // Ист. вестник. – 1899. – Сентябрь. – Т. LXXVII. – С. 880–901.
7. *Паллас, П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи / П. С. Паллас. – СПб. : Тип. при Имп. АН, 1809. – Ч. 1. – 773 с.
8. *Смирнов, Б. Е.* 1 книга сборника былин (былей), преданий, мифов, сказок, сведений из фольклора мокши Зубово-Полянского района. 1963–1965 гг. – Науч. архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве РМ. – 337 л.
9. *Смирнов, И. Н.* Мордва: Историко-этнографический очерк / И. Н. Смирнов. – Саранск : Тип. «Крас. Окт.», 2002. – 297 с.
10. *Сообщение нижегородского губернатора А. Руновского нижегородскому архиепископу о принятых мерах по отношению Козьмы Алексеева. 30 сентября 1809 г.* // Документы и материалы по истории МАССР. – Саранск, 1948. – Т. 4, ч. 1. – С. 103.
11. *Фукс, К.* Поездка из Казани к мордве Казанской губернии в 1839 г. // Журн. М-ва внутр. дел. – 1839. – № 10, ч. 34. – С. 85–118.
12. *Юрченков, В. А.* Взгляд со стороны: Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI–XVIII столетий: Исторические очерки / В. А. Юрченков. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1995. – 287 с.
13. *Harva, U.* Die religiozen Vorstellungen der mordwinen / U. Harva. – Helsinki : Academia Scientiarum fennica, 1952. – 456 s.